

Кратко отмечая тот или иной факт, часто по свежим следам события, летописец нередко тут же, в рамках погодного известия, отмечал и ходячую точку зрения на него. Под 1162 г., например, читаем: „Том же лете преставися князь Иван Ростиславичъ, рекомый Берладник, в Селуни; инни тако молвахуть, яко с отравы бе ему смерть“ (стр. 355); под 1195 г. летописец, сообщая о землетрясении в Киеве, отметил: „И рекоша игумени блажении: «Се бог проявил есть, показая нам силу свою за грехи наша, да быхомся остали от злаго путя своего»; инни же молвахуть друг ко другу: «Сии знамении не на добро бывають...»“ (стр. 463). Приведенные известия указывают и основной источник такого рода примечаний летописца: источником этим была устная молва.

Что касается его, летописца, собственного, „авторского“ отношения к тому или иному факту, то погодная запись, за немногими, очень редкими исключениями, отношение это никак не отражает; в отличие от летописного рассказа, в погодной записи „автор“ еще явно отсутствует.

Основное литературное качество погодного известия — документальность. Проявляется она во всем: и в этом характерном отсутствии „автора“, и в деловой протокольности изложения, и в строгой фактографичности (точно указывается дата события, не только год, но часто и месяц и день, место происшествия; обстоятельно перечисляются все участвовавшие в нем лица — по именам).¹ Видно, что летописец озабочен только одним: возможно точнее и короче зарегистрировать определенный факт, не входя в подробности — или просто ненужные или ему неизвестные.

Документальность погодной записи в особенности наглядно иллюстрируют случаи, правда, очень редкие, где летописец вопреки своему обычаю — отмечать факт, но не его причину, не только указывает реальную причину события, но делает это с точностью и „реализмом“, достойными современного историка. Интересна в этом отношении запись под 1141 г.: „Сего же лета слышавше новгородци, оже приял Всеволод братью их, и не стерпяче бес князя седити, и ни жито к ним не идяше ни отколе же, и послаша Гюргеви мужи своя, и пояша Ростислава Гюргевича, и посадиша новгородци с великою честью Новегороде на столе своего ему отца“ (стр. 221). Здесь эта реальная деталь: „и ни жито к ним не идяше ни отколе же“ — документально точная констатация

¹ Фактографичность изложения иногда приводила к тому, что запись превращалась в сухой набор имен или географических названий. Под 1162 г., например, читаем: „Том же лете Рюрик и Святополк Гюргевич Туровский и Святослав Всеволодич с братом Ярославом, и с Олгом Святославичем, и с Володимиричем, и с Кривскими князьми, идоша к Случьску на Володимира на Мьстиславича...“ (стр. 356). Или под 1147 г.: „В то же веремя выбегоша посадничии Володимери Изяслави из Вятичъ, из Брянска, и из Мьченска и из Блже (вар.: Блже); и оттуда иде (Святослав Ольгович) Девягорьску, иде заем вси Вятичи и до Брянск и до Воробинъ (вар.: Воробини), Подесьнье, Домагоць и Мценск“ (стр. 242).